

ДРУГОЙ СУДЬБЫ НЕ ДАНО...

“Здравствуйте, дорогая моя фронтовая подруга, Евдокия Даниловна! Ваше письмо меня просто ошарашило. Я даже представить себе не мог, как вы могли обо мне вспомнить, ведь мы виделись так мало...”

Я вспоминаю, как вы приложили к моей груди зеркальце, которое я хранил около года, но потом в госпитале его кто-то забрал. Из вашего полевого госпиталя нас направили на станцию, а потом повезли в Полтаву. По дороге поезд разбомбили, и жители перевозили раненных на тачках до Краснограда. Вдобавок к своему ранению я был еще и контужен. В госпитале я лежал около года, рана превратилась в трофическую язву, сделали еще одну операцию, вырезали злополучную язву и много осколков. А потом мы попали в оккупацию.

И через это прошел и выжил. После освобождения направили нас на государственную проверку в город Шахты.

Никогда я не забуду этих допросов:

- Почему не застрелился? Почему не использовал пятый патрон?

После проверки оставили меня в городе Шахты начальником связи. Где я и работал до 1951 года. Потом переехал в Таганрог, где и живу по настоящее время, работаю на заводе “Виброприбор”. Несколько лет назад предлагали мне командировку в Белово на радиозавод, но по каким-то причинам не поехал. И я представляю себе не мог, что забереетесь вы в такую даль от наших мест. У меня трое детей, жена, и даже внук есть.

Я часто вспоминал о вас, все думал: живы ли? А искать как? Я ведь даже фамилии не знал. Только песню о вас пел:

“Помню день походного привала,
Сон бойцов у яркого костра.
Ногу мне тогда перевязала
Славная военная сестра...”

Покойная мать рассказывала, как какая-то девушка написала ей теплое ободряющее письмо и выслала сто рублей...

Я многим вам обязан. Только вы мне спасли жизнь.

До свидания.

Передавайте привет друзьям и знакомым от друзей-однополчан.

Степан Коса.
23 мая 1965 года”.

Это пожелтевшее от времени письмо от бывшего солдата Степана Косы Евдокия Даниловна Ивашенко бережно хранит до сих пор. Если быть последовательными, то письмо это - середина истории, у которой есть и начало, и продолжение.

Память каждого фронтовика переполнена множеством событий. Какие-то из них со временем стерлись, но почти каждый переживший эти грозные годы до мелочей помнит два дня: первый день войны и первый день мира.

В тот вечер 21 июня 1941 года Дуся с подружкой пошли в кино. Смотрели “Ленин в Октябре”. После фильма решили сходить на танцы, но танцы отменили. Атмосфера в пограничном городке была какой-то напряженной. Девчата вернулись на квартиру и отправились спать на сеновал. В Шатске им, выпускницам Харьковского фельдшерско-акушерского училища, оставалось находиться считанные дни, подходила к концу преддипломная практика. Впереди была аттестация и самостоятельная работа.

В молодости сон крепок. Они не слышали шума, не чувствовали дыма. Пока хозяин дома не разбудил:

- Девчата, вставайте - война началась!

А в городке уже горели склады боеприпасов, бежали по улицам безоружные и полураздетые солдаты.

Дуся с подружкой наспех оделись, захватили свои медицинские сумки, с которыми ходили к больным, и вместе со всеми кинулись прочь из городка. По дороге они прибились к военной части и остались в ней. Вот так, без призыва, без повестки стала студентка солдатом. Потом, сопровождая очередную партию раненых, Дуся заедет в Харьков и получит документ об окончании училища. За производственную практику ей отчитываться не пришлось.

Долгие, мучительные дни отступления - тогда казалось, что ему не будет конца. Передохнуть бы, опомниться, хоть немного собраться с силами. Да куда там. Вооруженных до зубов фашистов, кажется, не остановить ничем. На одной из таких

дорог встретился Дусе солдат из родного города.

- Давай, землячка, махнем до дому, благо рукой подать, - предложил он медсестре. - Не одолеть нам фашиста, так хоть на своей земле погибнем.

- У тебя, дядя, своя дорога, у меня - своя, - резко ответила ему девушка.

Этот, один из многих сотен фронтовых эпизодов, потом еще сыграет свою роль в ее биографии. Да, впрочем, не только этот, был еще и другой...

После тяжелого боя Дуся обходила поле в поисках раненых. И вдруг неожиданно вынырнул фашистский танк. Она бросилась бежать, но споткнулась и упала в огромную воронку. Глубина ямы ее и спасла, потому что рычащая стальная машина, дойдя до воронки, сделала на этом месте разворот, будто втаптывая в землю хрупкую славянскую девчонку. Поставив на этом точку, танк покинул поле боя.

Печальную картину наблюдали из расположения соседней части. Когда опасность миновала, солдаты решили унести с поля останки сестренки. А она оказалась жива. Дусю только оглушило и присыпало землей. Вместе с другой такой же бедолагой ее привели в расположение части. Помогли прийти в себя, отпоили чаем. На следующий день Евдокия доложила командиру причину отсутствия. На том бы дело и кончилось, если бы чересчур ретивый “особист” не внес строку в личное дело медсестры. Потом она узнает, что стрелять можно не только из винтовки и автомата, но и пером, да еще как прицельно...

Наш разговор не клеился. Евдокия Даниловна, хоть и встретила приветливо, но явно была недовольна темой беседы. В который раз ей задавали дежурные вопросы: где воевали, какие награды имеете? Она отвечала, но с явной неохотой. И было непонятно, почему в необыкновенно голубых глазах светится боль. Казалось бы, столько лет прошло. Причем эта боль была совсем иная, не такая, как у других фронтовиков. А все воспоминания обрывались на сорок втором году, будто врубались в какой-то невидимый барьер...

Долго не могла понять, что

останавливает мою собеседницу во времени. И вдруг осенило:

- Пятьдесят восьмая статья?

Евдокия Даниловна молча кивнула, ушла в другую комнату и, вернувшись, разложила на столе бумаги: телеграмму-поздравление с Днем Победы из фонда Солженицына и корешок денежного перевода из Москвы (как известно, фонд поддерживал репрессированных военных. Когда-то и сам Александр Солженицын был репрессирован, попал в лагерь из-за неосторожных фраз, написанных другу).

За что же подверглась репрессиям фронтовая медсестра? А причиной была молодость да небесно-голубые глаза. Девушка, воспитанная в строгих правилах, не позволяла ничего лишнего ни себе, ни другим. И вот один из тех, кого она поставила на место, вспомнил о строчке в личном деле, о том, как медсестра сутки отсутствовала в расположении части. Умело состряпанный донос на многие годы определил судьбу девушки. Приговор трибунала был короток и жуток - восемь лет лагерей.

От самых тяжких лагерных испытаний ее спасла профессия. Годы, определенные приговором, она провела в Мариинском госпитале и в больнице. Пусть и со званием заключенной, но она продолжала лечить солдат. А потом была бессрочная ссылка в Красноярский край. Жизнь без будущего, без надежды, вдали от родных.

И тогда Евдокия решилась на отчаянный шаг. Она написала письмо самому Сталину. Описала все: и страшные дни отступления, и ту историю с танком, и то, как все эти годы спасала людей.

И надо же было так случиться, что, когда по ее письму приехал в райцентр представитель Генеральной прокуратуры, Евдокию срочно вызвали в одну из отдаленных таежных деревень принимать роды. Случай был тяжелый и вместе с тем уникальный. На свет появилась тройня. Три новых жизни сразу. Перед этим событием меркло все. Евдокия Даниловна несколько дней боролась за жизнь матери и детей. Следователь Генпрокуратуры не посчитал нужным дожидаться какую-то ссыльную.

Отчаявшуюся Дусю поддер-

жали люди. Каждый, кто был причастен к истории спасения матери и детей, письменно подтвердил уважительную причину, по которой она не смогла встретиться со следователем. Вдохновленная уже тем, что письмо не осталось без ответа, Евдокия написала второе, куда и вложила все эти свидетельские показания. И пусть это кому-то покажется невероятным, но ее вновь услышали.

...Второй уполномоченный опять не застал дома беспокойную фельдшерницу. Но на этот раз она отсутствовала недолго, и они встретились.

Получив необходимые объяснения, прихватив с собой положительные характеристики, следователь отправился дальше, в том числе и на родину Евдокии, на Украину. Что могли сказать в родном городе об уехавшей на практику девушке, которую никто не видел с весны 1941 года? Только отец вспомнил, как встретился со знакомым солдатом и тот с восхищением рассказывал ему про Дусю. О том, как устыдила она его, отчаявшегося, в дни наступления. Отец Евдокии нашел этого человека, и тот пришел дать показания:

- Не уйду, пока не выслушаю. Это такая девушка! Знаете, как тяжело было отступать. Мужики ломались, веру теряли, а она не сомневалась, что мы победим...

Обвинение с Евдокии Даниловны сняли еще при жизни Сталина и полностью реабилитировали, но все случившееся легло на душу тяжким грузом - таким, что не сбросишь, не разделишь с другими. Замуж она вышла за товарища по несчастью, только он мог понять всю ее боль. Они приехали в молодой горняцкий поселок - Краснобродский. Обосновались, дом выстроили, дочь вырастили, внука дождалась.

Однако вернемся к письму, с которого начал этот рассказ.

... Это было в августе 1941 года.

Молодой боец Степан Коса лежал на берегу Днепра, истекая кровью. А вокруг был настоящий ад. Части Красной Армии отступали, а фашисты без устали обстреливали переправляющихся через реку. Санитары, медсестры не успевали выносить раненых из-под огня.

Дуся уже в который раз за этот день ползла в самое пекло. Склонившись над потерявшим сознание солдатом, она первым делом постаралась остановить кровь, сделала перевязку.

В полевом госпитале Степану оказали первую помощь, влили кровь. Он на какие-то минуты пришел в себя и увидел девушку, сидевшую рядом:

- Сестричка, напиши матери, чтоб не ждала сына...

И вновь солдат впал в забытие. Потом Степана отправили в тыл для дальнейшего лечения.

А Дуся, как и просил солдат, написала письмо его матери в село Малая Екатериновка, что в Запорожской области. Рассказала, что сын ранен, что обязательно поправится, и в конверт вложила сто рублей - все, что было.

... В канун двадцатилетия Победы Евдокия Даниловна и ее муж увидели по кемеровскому телевидению передачу, в которой шел разговор о поиске однопольчан. И она написала письмо.

Степана Косу нашли очень быстро. Правда, мама его к тому времени уже умерла, а таганрогский адрес бывшего солдата сообщил его двоюродный брат.

А потом Степан писал письма в Краснобродский Евдокии Ивашенко.

Она ему ответила. И они встретились. В Таганроге побывал сначала муж Евдокии Даниловны, а потом и она сама. Об этой встрече даже писала таганрогская газета. Степан Коса приезжал с ответным визитом в горняцкий поселок, где обосновалась семья Ивашенко.

У этой на удивление молодой женщины совершенно необыкновенные голубые глаза, излучающие доброту. Всю свою жизнь она служила людям, спасала, защищала, принимала на свет детей. Только в больницах Краснобродского поселка Евдокия Даниловна Ивашенко проработала 27 лет. С теплотой и любовью говорят о ней земляки, бывшие пациенты и коллеги. И мало кто знает перипетии ее судьбы, на которой свой черный росчерк поставила война.

Л. ЛЕЗИНА.

ходили мы походами...

ходили мы походами...

